
Моя истинная ненависть
Кристина Скрипникова
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Кристина Скрипникова

Моя истинная ненависть

«Автор»
2026

Скрипникова К.

Моя истинная ненависть / К. Скрипникова — «Автор», 2026

Меня вышвырнули из стаи за то, что я посмела раскрыть пасть на альфу. Голодная, злая, готовая сдохнуть — я забрела на чужую территорию. И он меня нашёл. Наглый, сильный, уверенный, что весь мир лежит у его ног.Он решил, что я буду его собственностью. Что сломает меня, запрёт в клетку, заставит подчиниться.Но он не знает, что волчицу, пережившую предательство, сломать нельзя. Я буду царапаться, кусаться, рычать — и докажу ему, что истинная пара — это не про рабство. Это про битву. За равных. За любовь. За себя.И пусть он — альфа. Я — его стихия, которую невозможно приручить.Тёмное фэнтези. Волчьи страсти. Любовь через ненависть.

© Скрипникова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Кристина Скрипникова
Моя истинная ненависть

Глава 1

Я знала, что лезу в пиздец. Знала, когда переступала ту самую невидимую черту, которую каждая собака чует нутром. Но снег валил третьи сутки — липкий, мокрый, он забивался в шерсть и леденил кожу. Дичь ушла глубоко в чащу, а моя стая — бывшая стая — вышвырнула меня вон, как паршивую шавку, ровно за то, что я посмела раскрыть пасть на альфу.

Подумаешь, посмела голос подать.

Голод — сволочь еще та. Советчица дерьмовая, спору нет. Но мотиватор — отличный. Когда кишки сводит, а в башке звенит пустота, наплевать на все границы. Я шла по кровавому следу лося, втягивала запах, как наркотик, и просто перемахнула черту. Или вовсе ее не заметила.

Плевать.

Если я сдохну, то хотя бы с полным брюхом, пусть даже кишки потом вывернет наизнанку.

Лось был старый, больной. Я учуяла это за сотню метров — прогорклый душок гниющих внутренностей.

Догнала его в овраге, перегрызла горло одним точным движением, впилась зубами в теплое мясо, чувствуя, как жир течет по подбородку, капает на снег, смешиваясь с кровью.

Боже, кайф. Звериный, первобытный кайф.

Первый нормальный жор за целую вечность, а точнее за неделю.

Я рвала мясо, давилась, глотала куски, почти не жуя, — мозг отключился, на этом ощущении — горячая плоть, соленый вкус крови, сытость.

И тут как обухом по голове — тишина.

Сердце пропустило удар.

Мир выключился. Даже ветер стих.

Это та тишина, когда понимаешь с абсолютной кристальной ясностью: ты в ловушке.

Я замерла, так и оставшись с куском мяса в зубах. Кровь стекала по горлу, но глотать я больше не могла. Мясо вдруг стало холодным и безвкусным.

В голове стучала только одна мысль: не дергайся, дура, замри, может пронесет.

Чушь, конечно.

Повернула голову — медленно, как в кошмаре.

Три тени, стояли полукругом.

Три волка.

Крупные, лоснящиеся, сытые — шерсть лоснится здоровьем, которым от меня и не пахло. Глазищи горели в сумерках желтым огнем. Два сбоку — явно шестерки, уши прижаты, хвосты поджаты, ждут команды. А тот, что по центру... мать его за ногу.

Он стоял в человеческом обличье — голый по пояс, хотя мороз драл кожу, выдирал остатки тепла. Штаны сидели низко на бедрах, на груди — шрамы: одни старые, белые, другие — розовые бугры свежих ран. В руке зажат топор, но он ему, кажется, и не нужен.

Ты смотри на глаза, дура, не на железку, — пронеслось в голове.

А глаза у него были волчьи. Жёлтые, немигающие, с вертикальным зрачком. Смотрел так, будто я не волчица, не хищник, который только что завалил лося, а добыча. Кусок мяса, который сам приплёлся к нему на ужин.

Холод пробирался под кожу, но я старалась не дрожать. Внутри всё сжалось в тугой узел, зубы сами собой заскрежетали.

Не показывай страх. Он его чует, как ты чуяла лося.

— Ты идиотка или самоубийца? — спросил он. Голос низкий, вязкий, как смола. Он лип к коже, проникал под рёбра. — Или просто сослепу перепутала чужие угодья со своей помойкой?

Я сплюнула мясо. Жирное, с привкусом крови, которая теперь казалась горькой. Вытерла рот тыльной стороной ладони, чувствуя, как на морозе влага тут же леденеет. Уставилась на него в ответ — впилась глазами.

— А ты, я смотрю, местный альфа? — оскалилась я. В горле запершило, но голос не дрогнул. — Стоишь тут, членом своим холодным сверкаешь, порядок наводишь. Шёл бы ты в берлогу, пока я тебе этот член в глотку не засунула.

Зачем я это говорю? Зачем я дразню зверя? Голод мозг выел?

Мелькнуло где-то на краю сознания, но внутри адреналин уже закипал, смешиваясь со страхом. Когда терять нечего, слова сами лезут наружу.

Два волка сбоку зарычали. Шерсть дыбом, клыки на солнце блеснули.

Шестёрки. Без команды не тронут. Но если он кивнет — сожрут за секунду.

Альфа лишь приподнял бровь. Секунду смотрел на меня, как на таракана, который посмел огрызнуться. И улыбнулся.

Улыбка у него была мерзкая. Красивая до бешенства и мерзкая. Губы кривятся, а в глазах — ни тепла, ни насмешки. Только холодная, спокойная сила. От такой улыбки у нормальных волчиц поджилки трясутся, а у меня внутри что-то противно дернулось. Внизу живота.

Твою мать, только не это. Только не сейчас, когда от меня разит голодом и страхом.

Тело предательски отозвалось на его запах — смесь хвои, талого снега и звериного, самцового жара.

Нет, дура, соберись. Он тебя сломать хочет, а ты уже таешь.

— Смелая, — протянул он, делая шаг вперёд. Снег хрустнул под его босой ступнёй — он даже не мёрз, гад. — Люблю смелых. Они долго не ноют, когда их ломают волю.

Я стояла, как вкопанная, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Бежать? Поздно.

Драться? Смешно.

Умирать — так с полным брюхом, я же решила.

Но всё внутри кричало: жить.

Жить, сука!

Он шагнул. И еще один шаг — я вскочила.

Снег брызнул из-под ног, мясо пришлось бросить — жалко, от сердца отдирать, но моя шкура дороже сытого брюха. Умрёшь — всё равно всё выблюешь.

Я рванула себя в полуформу, и это были не те плавные переходы, что у сытых альф, — это была судорога. Когти вылезли из подушечек пальцев с мокрым хрустом, зубы удлинились до звериных клыков, шерсть встала дыбом на загривке, встала по всему телу — каждый волосок жил своей злой жизнью.

Я готова драться. Но не бежать.

Никогда больше, слышишь, ты, трусливая шавка? Никогда.

Он подошёл ближе — слишком спокойно, слишком уверенно, краем глаза я видела, как его тень накрывает мою. И я ударила первой.

Хрен там.

Он перехватил мою лапу почти ласково — пальцы сомкнулись на запястье, стальным обручем, и рванули. Я врезалась грудью в его тело, и это было как о стену — каменную, горячую. Запах ударил в нос, взорвался в пазухах: кедр, терпкий, лесной, дым, железо, острый

мужской пот с горчинкой. И под этим всем — что-то тягучее, сладкое, как переспелая ягода, как гнилая патока, отчего в паху защипало резко и горячо, и я ненавидела себя за этот отклик.

Не смей. Не смей, дура. Это не влечение — это гормоны. Это инстинкт. Это страх, который маскируется под желание или нет?

Твою мать, да замолчи ты!

— А ты вкусная, — выдохнул он мне в лицо.

Горячее дыхание обожгло щёку. Его грудь вздымалась под моими пальцами — я упёрлась, пытаясь отодвинуть его, но он держал крепко. Прижимал к себе, сжимал, как тисками, и каждая мышца его тела через тонкую ткань моей одежды передавалась мне дрожью. Я чувствовала его сердце — ровное, спокойное, насмешливое.

— Какого хера ты тут забыла, а? — Голос низкий, вязкий, он лился мне прямо в ухо, щекотал кожу. — Заблудилась? Подохнуть пришла? Или по мужикам соскучилась, что на чужую территорию ломишься?

— Руки убрал, гнида, — прошипела я. Слова вылетали сквозь зубы, сжатые до скрежета, я брыкалась, дёргалась, вжимала когти ему в предплечье — но он даже не поморщился. — Я тебе не игрушка. Я не твоя сучка.

— А вот это, — он рванул меня за волосы.

Боль — яркая, как вспышка. Голова запрокинулась, шея открылась, горло подставилось под его зубы. Я зашипела, пытаясь вырваться, но он держал крепко, а другой рукой провёл носом по моей шее — от ключицы до уха, медленно, с присвистом, втягивая запах. Пробуя меня. Вкус. Аромат. Словно я — кусок мяса, а он решает, с какого бока начать трапезу.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле, в паху пульсировало, а в голове, пробиваясь сквозь панику и ярость, тоненько и мерзко пищал голос: он сильнее. Намного сильнее. Ты труп, если не придумаешь, как выкрутиться.

— Это мы ещё посмотрим, — шепнул он почти нежно. И зубы его — крупные, белые, опасные — на миг скользнули по моей коже, не прокусив, только предупреждая.

Твою мать. Я влипла.

Он лизнул.

Шершавый, горячий язык прошёлся по ложбинке у ключицы, захватывая соль и запах — мой собственный страх и ярость. Я вздрогнула всем телом, будто меня ударило током. Предательское тело отозвалось мурашками, волоски встали дыбом, кожа покрылась гусиной — и я возненавидела себя за это.

Сука.

Дрянь.

Ты не течка, ты драться должна, а не плавиться под ним.

Рванулась — резко, дико, вкладывая весь остаток силы. Ударила коленом в пах, целясь точно, со звериной меткостью. Он охнул — глухо, с присвистом — и ослабил хватку ровно на секунду.

Мне хватило.

Я отскочила, приземлилась в снег на четвереньки, рванула в сторону — и застыла. В глазах у него вспыхнуло такое, от чего у меня внутри всё рухнуло в пропасть, провалилось куда-то в ледяную черноту.

Звериное. Жадное. Беспощадное.

Не боль. Не злость. Азарт охотника, который увидел, что дичь умеет давать сдачи. И от этого охота стала только интереснее.

— Ах ты ж сука, — он рассмеялся.

Смех — низкий, раскатистый, вибрирующий в груди. Он потирал ушибленное место, но в глазах горел тот самый голод, от которого у меня поджилки затряслись. Не зло, нет. С каким-то диким предвкушением, как перед самым вкусным куском.

— Огонь. Уважаю.

Не уважай, твою мать, бойся!

Заорала мысль в голове.

Беги, дура, беги, пока он смеётся!

Но ноги будто приросли к снегу.

Он двинулся на меня снова — медленно, плавно, текуче, как зверь, который уже знает исход схватки. И я поняла: не убегу. Не от него. Он быстрее, сильнее, свежее — а я трачу последние силы на пустую браваду, на гордость, которая сожрёт меня быстрее, чем его зубы.

Но я не лягу под ним. Я не дамся.

Последний рефлекторный оскал загнанной в угол волчицы.

Я бросилась на него сама. Вцепилась зубами в плечо, прокусила до крови — солёной, горячей, она брызнула мне в рот, и я вцепилась ещё крепче, с наслаждением, пытаясь рвать, грызть, крушить.

Он взревел — не от боли, от ярости, — и в ответ сжал меня так, что хрустнули рёбра. Кость отозвалась тупой болью, воздух выбило из лёгких.

Повалил в снег. Тяжело, глухо, всей тушей. Иней брызнул в лицо, снег набился в рот и нос, холод обжёг кожу. Он накрыл меня сверху, прижал бёдрами мои дрыгающиеся ноги, вжал в землю, лишая возможности дышать. Я билась под ним, как птица в силках — крылья трепыхаются, а хищник уже сомкнул челюсти.

— Ты моя. Поняла? — шептал он мне в самое ухо, горячий, тяжёлый, невыносимо близкий. Его дыхание обжигало ледяную кожу. — Ты пришла на мою землю, вдохнула мой воздух, и теперь ты моя. Будешь брыкаться — сломаю. Будешь кусаться — перегрызу. Но не отпущу. Никогда.

Каждое слово вбивалось молотом в затылок. Висок, залитый его слюной и моей кровью, пульсировал. Сломает — не пустое слово. Он хочет. Может. Сделает.

— Пошёл на хуй, — выплюнула я сквозь зубы.

Снег таял на языке. Горло саднило от рыка.

— Уже, — усмехнулся он.

И я почувствовала. Сквозь тонкую ткань моих штанов — горячее, твёрдое, упрямое. Член упирался мне в живот, пульсируя даже через одежду, и я с ужасом поняла: он возбуждён. Не злость, не желание наказать — он хочет меня, и это желание диктует каждое его движение.

— Но сначала я заявлю на тебя права.

Голос низкий, спокойный, с придыханием. Словно он уже предвкушает, как будет это делать.

Твою мать.

Рвись.

Дерись.

Кусайся.

Умри, но не дайся ему. Но тело вдруг стало чужим. Усталым. А сила, что вела меня последние дни, утекала в снег вместе с кровью из прокушенной губы.

Глава 2

Он впился в мои губы. Грубо, жадно, раздирая их до крови. Я застонала — от боли, от неожиданности, от того гадкого, горячего удовольствия, которое вспыхнуло где-то внизу живота, предательское и липкое. Нет. Нет, нет, нет. Это не наслаждение — это паника. Это тело тупит, потому что мозг сдался.

Я попыталась укусить его язык — вложила в челюсть всю оставшуюся злость. Он лишь зарычал, и этот рык прошёл сквозь меня вибрацией, отозвался в костях.

Он углубил поцелуй, вжимая меня в снег всем телом, и я проваливалась — в него, в его запах, в жар, которым от него несло, как от печи.

Шестёрки вокруг завыли. Где-то на периферии сознания я слышала их голоса — подбадривали? Смеялись? Стояли на ушах от предвкушения зрелища?

Мне было плевать. Я тонула в нём, в его руке, которая уже залезла под мою куртку, сжимая грудь, давя на сосок большим пальцем до искр из глаз. Ладонь его горячая, шершавая.

Отпусти. Отпусти меня, тварь. Мысленно простонала я.

Свободная рука нашла солнечное сплетение — я ударила, вложив весь вес, замах, агонию.

Он выдохнул — воздух выбило, но не полностью, — и оторвался от моего рта. Мутные глаза, зрачки расширены, в глазах — похоть и гнев, замешанные в равных пропорциях. Губы блестят от моей крови.

Я смотрела на него снизу вверх, лёжа в снегу, чувствуя, как холод пробирается под одежду, а его тяжесть давит на грудь.

— Ты пожалеешь, — сказала я. Голос сел до хрипа. — Я не подчинюсь тебе, никогда. Я тебя уничтожу.

Слова вылетали сами, без моего разрешения. Я знала, что это пустая бравада — слишком слабая, голодная, разбитая. Но если я замолчу, не буду огрызаться — я сломаюсь. А этого я не могла себе позволить.

— Посмотрим, — усмехнулся он.

И вдруг — рывок.

Он подхватил меня на руки, как свою законную добычу.

Мои ноги болтались в воздухе, я дёрнулась, пытаясь вырваться, но он сжал меня ещё крепче, до боли в рёбрах.

— Как тебя зовут, дикая?

Его голос стал низким, почти ласковым, будто ни чего, не произошло, до этого.

— Айла, — выдохнула я, хватая ртом морозный воздух. — И я запомню твоё лицо, когда буду отрывать тебе башку.

Он улыбнулся. Медленно. Обнажая клыки — белые, длинные, острые. Улыбка хищника, который слышит от мышки, что она его загрызёт.

— Грейсон, — сказал он. — Запоминай. Это имя твоего истинного. И твоей погибели — если будешь упрямиться слишком долго.

Истинный. Твою мать, только не это. Только не он.

Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле.

Я хотела рассмеяться ему в лицо, сказать, что я скорее сдохну, чем признаю его своим. Но слова застряли в горле, потому что где-то глубоко, на уровне инстинктов, я знала, он не лжёт.

Этот ублюдошный альфа от куда то выудил веревку и накинул на мои запястья.

— Это чтобы меньше брыкалась, — пояснил он спокойно.

Я дернула рукой — резко, со всей силы, пытаясь вырваться из захвата. Бесполезно. Его хватка была железной, его ладони огромные сомкнулись вокруг моих запястий, как тиски,

сдавив кости. Я чуть не присела от боли, но губу закусила так, что почувствовала вкус крови на языке.

Тварь, я тебе этого не прощу.

Веревка — грубая, пеньковая, пахнущая смолой и сыростью — впилась в кожу, затягиваясь вокруг запястий. Он работал быстро, уверенно, узлы ложились плотно, один за другим, стягивая мои руки вместе так туго, что я не могла даже пошевелить пальцами. Я рванулась еще раз — веревка лишь глубже врезалась в плоть, оставляя жгучие следы.

Держу пари, что он связывал таких, как я, сотню раз.

— Готово, — сказал он почти ласково.

И в следующую секунду мир перевернулся.

Он перекинул меня через плечо — одним плавным, мощным движением, как мешок с картошкой.

Мой живот вдавился в его твердое плечо, ребра уперлись в кость, воздух выбило из легких с хриплым всхлипом. Моя голова свесилась вниз, кровь прилила к лицу, а в глазах потемнело.

Я попыталась брыкаться — ноги дергались в воздухе, беспомощно и нелепо, — но он лишь поправил меня одной рукой, прижимая к себе, и я почувствовала, как его пальцы впиваются в мое бедро, фиксируя.

Унизительно.

Больно.

Я как туша, которую тащат на разделку.

Лес качнулся перед глазами — верхушки елей, клочок неба в разрывах туч, снег, черные стволы деревьев, проплывающие мимо вверх ногами. Он шагал широко, уверенно, не сбавляя темпа, не сбивая дыхания, будто я ничего не весила.

Ветки хлестали по спине, по ногам, царапали лицо, снег сыпался с веток за шиворот, холод пробирался под одежду, но его плечо жгло меня сквозь куртку — горячее, живое, ненавистное.

Шестерки плелись сзади — я слышала их шаги, тяжелое дыхание, изредка приглушенное рычание. Но близко не подходили. Держали дистанцию. Уважали его пространство.

Я болталась на его плече, как тряпичная кукла, сжав зубы до скрежета, чувствуя, как веревка врезается в запястья, кровь пульсирует в пережатых руках, в голове шумит от прилива крови.

Считай деревья. Запоминай дорогу. Не теряй сознание. Ты выберешься. Ты выживешь. Ты ему покажешь, кто тут истинный волк.

— Отпусти, урод, — прохрипела я, пытаясь лягнуть его коленом в грудь.

Нога скользнула по его торсу — он даже не качнулся, только мышцы перекатились под кожей, твёрдые, как камень. Я брыкалась, дёргалась, крутилась на его плече, как червяк на крючке, но он лишь прихлопнул меня ладонью по ягодице, припечатывая к себе, заставляя замереть.

— Я сама пойду. Не инвалид.

— Ага, — усмехнулся он, не сбавляя шага.

Ветки хлестнули меня по лицу — я зажмурилась, сплюнула снег, попавший в рот. Голос у него был низкий, ленивый, с хрипотцой, от которой у меня зубы скрежетали.

— Сейчас отпущу, и ты сразу же попытаешься отгрызть мне яйца. Я тебя знаю, дикая.

— Да ты меня вообще не знаешь, придурок! — рявкнула я, рванувшись так, что плечо у него подо мной дрогнуло. — Мы знакомы от силы час, из которого я половину времени провисела у тебя на плече, как туша!

Он хмыкнул. Широко шагнул через поваленное дерево — меня перекинуло, желудок подпрыгнул к горлу, я едва сдержала рвотный позыв.

— Знаю достаточно. Ты пахнешь свободой, бунтом и голодом.

Голос его стал тише, почти задумчивым. Я замерла, прислушиваясь вопреки своей воле.

— И тем, что тебя трахали в последний раз очень давно. В глазах у тебя бешенство, а в теле — огонь. Таких, как ты, я чую за версту.

Я задохнулась.

Словно кто-то выдернул воздух из лёгких рывком. Щеки вспыхнули жаром — опалили кожу даже на морозе. Я не видела своего лица, но чувствовала, как кровь прилила к ушам, к шее, к вискам. От злости? От стыда? Хрен разберёт. Наверное, и то и другое сразу, замешанные в адский коктейль.

— Ах ты ж мудень вонючий! — заорала я, извиваясь в его руках с удвоенной силой.

Я крутилась, брыкалась, пыталась достать его пяткой по почкам, локтем — по лицу. Веревка на запястьях натянулась, впилась в кожу до крови, но я не чувствовала боли — только ярость, горячую, ослепляющую.

— Да я тебе сейчас глаза выцарапаю, понял?! Я не какая-то там течка для твоих прихотей! Я волчица! Я стаю в одиночку водила, пока такие, как ты, жопу грели у костра!

Он остановился.

Я почувствовала это по тому, как напряглись мышцы под моим животом, как замерло его дыхание на секунду.

Тишина повисла в лесу — даже ветер стих, снег перестал сыпаться с веток.

Грейсон медленно, очень медленно повернул голову — насколько это было возможно с моей тушей на плече.

— Стаю водила? — переспросил он тихо.

Голос потерял всю ленивую хрипотцу. Слышались стальные ноты.

— А где она сейчас? Почему ты одна жрёшь сырое мясо на чужой земле?

Я замолчала.

Слова застряли в горле, как кость.

Я открыла рот — и закрыла.

Потому что не хотела говорить правду.

Правда была дерьмовой, горькой, как полынь: меня вышвырнули. Как чумную суку.

Вышвырнули за то, что я посмела поднять голос, посмела не прогнуться, посмела требовать уважения от альфы, который видел во мне только тёлочку для размножения.

Шестерки сзади заворчали — я слышала их перешёптывания, их тяжёлые шаги, приближающиеся, будто они тоже ждали моего ответа.

— Не твоё дело, — выдавила я наконец, глядя в снег, который проплывал подо мной.

Он не стал давить. Только хмыкнул — коротко, и продолжил путь, раздвигая ветви плечом.

Мы прошли ещё несколько минут в молчании. Я болталась на его плече, переваривая унижение, а он шагал, как ни в чём не бывало, и от этого бешенство снова начало подниматься во мне горячей волной.

— Ну а после того, что ты мне тут устроила, — проговорил он вдруг, и голос его снова стал ленивым, с довольной усмешкой, — месяц течки обеспечен. Твой запах въелся мне в кожу. Теперь весь лес будет знать, что ты моя.

— Я ничья! — огрызнулась я.

Рванулась в последней, отчаянной попытке высвободиться, но он лишь перехватил меня поудобнее, прижимая крепче. И тут голос мой предательски дрогнул — на самом конце, на последнем слоге. Я услышала эту дрожь сама, и внутри всё оборвалось.

— Запомни, волчара: Айла никому не принадлежи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.